

На правах рукописи

В. Северный

СЕВЕРНЫЙ ВАДИМ ГЕННАДЬЕВИЧ

КОНСЕРВАТИЗМ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
ОФОРМЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

23.00.02 – Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

(12. Теории политической модернизации. Конкретно-исторические
модели политической модернизации (сравнительный анализ).
Особенности политической модернизации современной России)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук

30 АПР 2009

Волгоград – 2009

Работа выполнена в Федеральном государственном
образовательном учреждении высшего профессионального образования
«Волгоградская академия государственной службы»

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации
Буров Алексей Никитович.

Официальные оппоненты: доктор политических наук, доцент
Колесников Вячеслав Александрович;
кандидат политических наук
Ткаченко Александр Иванович.

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Российский университет
дружбы народов»

Защита диссертации состоится «27» мая 2009 г. в 16.00 на заседании
Диссертационного совета Д 502.002.01 в ФГОУ ВПО «Волгоградская
академия государственной службы» по адресу: 400131, г. Волгоград, ул.
Гагарина, 8, ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной
службы», ауд. 204.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки
Федерального государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования «Волгоградская академия государственной
службы».

Автореферат диссертации размещен на официальном сайте ФГОУ ВПО
«Волгоградская академия государственной службы» – <http://www.vags.ru>

Автореферат разослан 20 апреля 2009 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 502.002.01

Е.Г. Олейникова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования состоит в необходимости адекватной научной оценки значения консерватизма в становлении новых политических институтов и процессов в условиях политической модернизации.

Российская политическая модернизация проходила в сложных условиях саморазрушения одной политической системы и возникновения новой. Политический реформизм, испытавший ряд кризисов на рубеже XX-XXI-го веков, утратил свои позиции, уступив росту влияния консервативных идей. Несмотря на то, что политическая модернизация осталась незавершенной, идеология консерватизма получила широкую электоральную поддержку, и российские парламентские партии стали включать в свои программы консервативные идеи и подчеркивать приоритет консервативных ценностей.

Однако политическая идентичность субъектов политики, как приверженцев консервативной идеологии, в силу многослойности их имиджа, размывает понятие «консерватор». Консерватизм, становясь частью политического имиджа, утрачивает диалектическую составляющую и качественную определенность. Аналогичную закономерность усматривает и А. Репников, замечая, что многим современным политикам выгодна именно неопределенность и размытость политических понятий, когда самоопределения «консерватор», «демократ», «государственник», утеряв свой первоначальный смысл, превращаются в ничего не значащие маски, становятся имитацией.¹

Как идеологические символы политических практик, реализовавшихся исторически, консерватизм и реформизм в общественном сознании

¹ См.: Репников А. В. Тернистые пути консерватизма в России//Общественные науки и современность. 2002, №4. С. 89.

разделены надёжной опознавательной символикой. Однако противоречивый характер модернизационных процессов, их сжатие во времени создает понятийные наложения в политическом дискурсе, соединяя противоположные понятия. В политических программах возникают такие концепции, как «консервативные реформы», «революционный консерватизм», «либеральный консерватизм» или «консервативный либерализм», которые обессмысливают оба составляющие их понятия. В результате таких идейных новаций представление о политическом процессе в сознании людей утрачивает свою определенность.

Невозможность соотнести политическое действие с его словесным выражением, которое может обозначать и свою собственную противоположность, лишает человека возможности критически осмыслять политику, а, следовательно, и участвовать в ней хотя бы на уровне осмысления. Сокращение большинства форм участия в политике существенно обедняет современный политический процесс, что негативно влияет на развитие политических отношений. Попытка объективной концептуализации политического дискурса консерватизма в политической системе может дать надежный ориентир в идеологической идентификации субъектов политического процесса и разработать теоретический инструментарий для выявления подлинной связи между политическим действием и его словесной оболочкой.

Консервативное мировоззрение, рассматриваемое исторически, может быть не только предметом для изучения интеллектуальной истории, но и стать одним из мощных факторов влияния на политический процесс, в особенности в России, где политика играет определяющую роль во многих сферах жизни. Российский же консерватизм, как дискурсивная практика, во многом мифologизирован и даже демонизирован на протяжении российской истории, так как каждый следующий политический режим старается демонизировать прежние консервативные политические силы, но затем неизменно обращается к консервативным практикам. Особый научный

интерес представляют политики консервативного направления из дореволюционного прошлого, идейное наследие которых содержит опыт политического маневрирования в условиях модернизации начала прошлого века.

В целом в подходах к изучению и в трактовках к определению консерватизма накопилось достаточное многообразие, для того, чтобы создать общую концепцию консерватизма как одного из важнейших элементов политической модернизации. Таким образом, исследование феномена консерватизма как функционального элемента, реально действующего в институциональных условиях политического режима, актуально как для политической науки в плане концептуализации широкого куга накопленных знаний в данной области, так и для общественно-политической практики в целях разработки надежных теоретических средств политической идентификации, понимания специфических особенностей консерватизма, определяющих как его неизменяемую сущность, так и его динамическую позицию в современной политике.

Степень разработанности темы исследования.

В современной политологии среди исследователей консерватизма одной из наиболее представительных групп являются традиционалисты – последователи оригинальных концепций консерватизма, связанных с устойчивой интеллектуальной оппозицией модерн-традиция, что отражено в работах сторонников традиционного общества О. Шпенглер, К. Шмитта, М. Элиаде, Р. Генона, К. Хоркхаймера и Т. Адорно и др.²

² См.: Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2-х т. - Т. I. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1993; Хоркхаймер М., Адорно Т. Культуриндустрия. Просвещение как обман масс// Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.-Спб.: Медиум, Ювента, 1997; Шмитт К. Политическая теология. Сборник. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000; Элиаде М. Трактат по истории религий. В 2-х т. СПб.: Изд. «Алетейя», 1999; Генон Р. Кризис современного мира. М.: Арктогея, 1996.; Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001.

Другой не менее авторитетной группой являются идеационисты, отстаивающие идеологическую идентичность консерватизма: Д. Ален, Ю. Хабермас, Р. Нисбет, Л. Аллисон, И. Кристолл, Е. Шацкий³ и их последователи. У них не вызывает сомнения определение консерватизма как идеологии, противостоящей либерализму, и социализму. Такое раздвоение антипода консерватизма широко распространено, но методологически неудобно, так как вынуждает идти против диалектической методологии, допуская наличие некой третьей силы. Данное противоречие снимается в трактовке консерватизма сторонниками его ситуационного определения: К. Мангеймом, С. Хантингтоном, Р. Михельсом,⁴ однако, они также склонны видеть в консерватизме идеологию, хотя и лишенную самостоятельного идейного содержания. Промежуточную позицию занимает Р. Кирк, отрицающий идеологическую идентичность консерватизма, но отстаивающий его глубокую метафизическую содержательность.⁵ Однако деидеологическая трактовка консерватизма малопопулярна в научных кругах, несмотря на признание авторитета Р. Кирка.

Потребность сохранить за консерватизмом устоявшуюся идеологическую идентичность, а также преодолеть его противоречия с либеральной идеологией, пробудила в последние десятилетия XX века синтетический подход к изучению консерватизма. Этот подход в настоящее время набирает все большее сторонников.

³ См.: Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М.: Academia, 1995; Nisbet R. Conservatism: dream and reality. Stony Stratford, 1986; Waldgrave W. The Binding of Leviathan: Conservatism and the future. L., 1978; Kristol I. On the democratic idea in America. N. Y., 1973; Allison L. Right principles: Conservative philosophy of politics. N. Y., 1984; Шацкий Е. Утопия и традиция: Пер. с польск. М., 1990.

⁴ См.: Huntington S.P. Conservatism as Ideology //The American Political Science Review, 1957. June, Vol. 51; Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.

⁵ См.: Kirk R. The Conservative Mind. From Burke to Eliot. Seventh Revised Edition. Chicago, Washington, 1986.

Так, в становлении синтеза либеральной и консервативной концепций видит развитие консерватизма последней четверти XX века К.С. Гаджиев.⁶ Г. Рормозер и А. Френкин своей монографической работой как бы подводят черту, утверждая, что «традиционные» либеральные и социалистические идеологии уже неактуальны как в России, так и в Германии, предлагая видеть в синтезе консервативных и демократических ценностей новый потенциальный идеологический конструкт.⁷ Творческую переработку проблемы модернизации, попытку синтеза модерна и традиции в идеологии консерватизма предлагает в своем исследовании Э. Абелинскас.⁸ В работе Е. Трониной консерватизм показан с функциональной стороны: автор полагает, что консерватизм способен осуществлять синтез идей исторической традиции и модернизации, что демонстрирует положительный опыт консервативного реформизма и неоконсервативной политики.⁹

В целом в 1990-годы консерватизм рассматривался преимущественно как упущененная возможность синтеза начала века.¹⁰ При этом надо отметить, что у сторонников синтеза наблюдается тенденция снятия противоречия, которое возникло еще у идеационистов, через синтез консерватизма с либерализмом и одновременным противопоставлением его радикалам левого толка.

⁶ См.: Гаджиев К. С. Современный консерватизм: опыт типологизации // Новая и новейшая история. 1991. № 1.

⁷ См.: Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. М.: Ин-т философии РАН, 1996.

⁸ См.: Абелинскас Э. Консерватизм как мировоззрение и политическая идеология. (Опыт обоснования). Екатеринбург: УрО РАН, 1999.

⁹ См.: Тронина Е. Г. Идейно-политическая эволюция консерватизма и его роль в политическом процессе современной России : Дис. ... канд. полит. наук. М., 2004. С.6.

¹⁰ См.: Гусев В.А. Консервативная русская политическая мысль. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1997; Согрин В. В. Второе пришествие либерализма в России (Опыт историко-политологического анализа) // Отечественная история. 1997; Наумова Н.Ф. Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации// Социологический журнал. 1996. №3-4; Сокольская И. Б. Консерватизм: идея или метод?//Полис. 1998. № 4; Руткевич А.М. Что такое консерватизм? М., СПб., 1999.

К концу последнего десятилетия XX, началу нового века консерватизм приобрел статус основной оппозиционной доктрины в интеллектуальном осмыслении российских политических и экономических реформ либерального толка. Коммунизм и социализм были выведены интеллектуалами за черту маргинальности и только отдельные яркие исследователи поддерживали его символику.¹¹

Как пишет В. Согрин, «появилось много серьезных исследований о реформаторах и реформах, о либерализме и консерватизме».¹² Значительное место среди них занимает исторические исследования взглядов русских консерваторов рубежа XIX-XX веков, заново открываемых российским читателем. Исследования судеб и идейного наследия русских консерваторов – Н. Трубецкого, С. Алексеева, С. Франка, П. Струве продолжают вести В. Аверьянов и другие исследователи.¹³ Наибольшее внимание уделяется К. Леонтьеву, которого называют классиком российского консерватизма и «русским Ф. Ницше», и Н. Данилевскому, предвосхитившего идеи и в целом концепцию мультикультурализма О. Шпенглера.

Элементы структуры теории консерватизма исследовались А. Мельвилем, А. Галкиным, П. Рахшмиром, А. Панарином, А. Френкиным и др.¹⁴ Сформировались научные школы исследования консерватизма, среди

¹¹ См.: Пантин И. Посткоммунистическая демократия в России: основание и особенности // Вопросы философии. 1996. № 6; Кара-Мурза А.А., Панарин А.С., Пантин Л.К. Духовно-идеологическая ситуация в современной России перспективы развития // Полис. 1995. № 4.

¹² Согрин В. В. Двадцать лет российской трансформации. 1985-2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. №1. С. 29.

¹³ См.: Аверьянов В., и др. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М. 1987.

¹⁴ См.: Мельвиль А.Ю. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая. М., 1998; Галкин А.А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1987; Панарин, А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000; Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. М.: Ин-т философии РАН, 1996.

которых можно выделить пермскую, саратовскую и воронежскую. Таким образом, в историографии консерватизма, и, в частности, российского консерватизма, достигнут значительный прогресс. Отечественные работы по консерватизму представляют собой преимущественно сплав историзма, интеллектуальной истории, философии, идеологических изысканий и отчасти политического анализа преимущественно в ракурсе деятельности и программ политических движений и партий начала XX века, а также обзоров политических и интеллектуальных позиций современных политиков и публицистов, содержащих консервативные взгляды. В научных исследованиях консерватизма, изданных за два последние десятилетия, консерватизм показан как присущая политическому или общественному деятелю мировоззренческая установка. Работ, в которых явление консерватизма анализируется в комплексе объективных политических процессов создано недостаточно. Вычленить линию собственно политического анализа консерватизма в имеющихся исследованиях довольно трудно, как по причине терминологической, концептуальной дисперсии в научном мире, так и по невнятной идеологической идентичности в мире современной политики. Поэтому необходимы концепции, объясняющие, каким образом консерватизм вписывается в современный процесс развития политических систем, имеет ли он собственную динамику, каким образом и в какой мере влияет на политические процессы.

Цель исследования - раскрытие сущности консервативной политики в условиях политической модернизации.

Достижение указанной цели потребовало постановки и решения следующих теоретических задач:

1. Проанализировать идеологическое содержание консерватизма;
2. Выявить закономерности генезиса консервативного дискурса;
3. Обосновать диалектическую взаимосвязь консерватизма и радикализма;

4. Охарактеризовать доминирующее направление современной консервативной институционализации;
5. Исследовать политику рыночного радикализма и ее консервативную институционализацию в России;
6. Раскрыть логику дальнейшей политической модернизации и сущность альтернативных идеологических моделей радикально-консервативного синтеза.

Объект исследования – политическая модернизация, моделируемая в радикальных идеологических концепциях.

Предмет исследования – консерватизм как функциональная дискурсивная политическая практика.

Методологической базой исследования послужила общенаучная диалектическая методология, классическая логика, аналитический, синтетический, историко-сравнительный и системный методы, метод прогнозирования, а также категориальный анализ.

Теоретическую основу работы составили структурно-функциональная теория, институционализм, теория гегемонии, теория самоорганизации, теория интеграции и глобалистика.

Новизна результатов проведенного исследования состоит в следующем:

1. Показано идеологическое содержание консерватизма как дискурсивного инструмента политической институционализации радикальных идей;
2. Выявлены закономерности генезиса консервативного дискурса, обусловленные его самоопределением по отношению к идеологии либерального радикализма и его ценностям;
3. Обоснован объективный характер синтеза радикализма с консерватизмом в роли стабилизатора идеологической активности в регулярных политических практиках (институтах);

4. Охарактеризована доминанта современного консерватизма, состоящая в институционализации рыночного утилитаризма глобальных политических структур;
5. Показана сущность российского консервативного дискурса в условиях политики рыночного радикализма и институционализации его утилитаристских политических практик;
6. Раскрыта логика дальнейшей политической модернизации, состоящая в преодолении прежней радикальной рыночной идеологии новой антирыночной при сохранении антиэтатистского радикализма.

Положения, выносимые на защиту:

1. Консерватизм есть дискурсивное выражение структуры, благодаря которой политическая идея заключается в регулярную форму (институт), стабилизирующую ее модернистский радикализм. Исторически можно выделить несколько моделей политической модернизации, выраженных в радикальных идеологических концепциях. Первая волна модернизации включает последовательное доминирование двух моделей: идеологии рыночного радикализма (капитализм) и приходящей ей на смену доминанты идеологии антирыночного радикализма (социализм); вторая волна модернизации также выражена моделью радикального утилитаризма (глобализм) и моделью с противостоящим ему анархизмом (фундаментализм). В настоящее время наблюдается генезис радикального утилитаризма (глобализм). В периоды перехода политической идеологии в регулярную политическую практику интерес к исследованиям консерватизма и появлению новых теорий и концепций его содержательного наполнения объективно актуализируется, ввиду потребности в преодолении радикализма. Таким образом, трактовка консерватизма, как инструмента институционализации идеологических нарративов, делает возможным анализ консерватизма только в условиях конкретной модели политической модернизации, выраженной радикальной идеологией.

2. Процесс становления консерватизма протекал в борьбе консерватизма с радикальными политическими преобразованиями. Обострение противопоставления консерватизма радикализму на заре его генезиса в Англии и Франции выравнивается через переосмыслиения их единства в отношении к государственной власти и частной собственности в Германии середины XIX века. В это время происходит и идеальная борьба в самом консерватизме (официальная народность – интеллигентское народничество) и в радикализме (либерализм – социализм – утилитаризм). В генезисе консерватизма, будь он английским или немецким, просматривается общая идея неприятия универсализма, отстаивание органичности своей политической институциональной основы. Аналогичная позиция просматривается и у отечественных мыслителей.

3. Элементы консерватизма функционально служат обоснованию (сохранению) ценности конкретного корпуса политических институтов, обеспечивающих воспроизведение политического класса. Они возникали даже в самых радикальных политических режимах. На сравнительном примере идеологии большевизма и евразийства можно увидеть, что природа консервативных позиций (и их взаимосвязи с радикальными) в политике и в идеологии различны. Евразийцы видели в советской системе преломление общинно-земской традиции народа, а коммунисты – революционное творчество масс, оформленное партией, то есть принципиально новую институциональную систему власти. Для ее укоренения формулировка консервативных идеологических установок необходима, но она востребуется только по завершению формирования каркаса политических институтов. Поэтому радикализм в идеологии большевиков был актуален до 1940 года, пока партийная диктатура не была установлена окончательно. В идеологическом осмыслиении этого опыта евразийцами, поддержавшими советский революционный синтез, очевидно, была попытка примирить большевизм с действительностью, снять его радикализм через создание

образа исторической связи советской системы с русским дореволюционным прошлым.

4. Вторая волна политической модернизации проходит под идеологической доминантой утилитаризма с его консервативной институционализацией в глобальном (международном) масштабе. Ответом на политико-экономический кризис 70-х годов на Западе стала консолидация элит развитых стран, создание будущей «семерки великих держав», углубление интеграции в международные организации и перенос важных решений в наднациональные органы власти. Власть преодолела границы национальных государств и институтировалась в надгосударственных институтах принятия решений (и принудительных действий по отношению к суверенным государствам в целях осуществления ими определенной политики, способствующей торговле), некоторые из которых, правда, представляют собой расширенную компетенцию одного из государств. Распространение идей глобального утилитарного радикализма и практика их консервации в транснациональных политических институтах достигла к концу XX века совершенства, что затруднило идентификацию экспертами-политологами собственно радикального и консервативного влияний на политические процессы.

5. В современной российской политике получил развитие консервативный дискурс, который призван закрепить в общественном сознании органичность политических институтов действующего политического режима для российского общества. Современный отечественный консерватизм не имеет выраженных национальных черт, повторяя модельные характеристики утилитарно-рыночного консерватизма. Тенденции консервации радикального утилитаризма в российской политике очевидны: язык pragmatики становится важнейшим политическим институтом; pragматичную политическую позицию принимают все политические силы; российская власть методично и в целом успешно завершает начатый еще в прошлом веке политический курс глобального

рыночного радикализма; российская политическая система встраивается в международные политические, финансовые, экономические институты, что отражается на диспропорции между высокой активностью России в глобальных институтах и низкой активностью во внутренней институционализации глобального рынка; прагматизм в институциональном дизайне ведет к появлению гибридной модели политического режима, а в идеологии – к редакции до политического маркетинга.

6. Среди альтернативных глобальному утилитаризму моделей политической модернизации выделяются эстатистские проекты (монархизм, социализм, национализм, традиционализм, православие, почвенничество), связывающие будущее российской политической системы с государственным устройством, и антиэстатистские (радикал-либерализм, народничество, фундаментализм). Новая радикальная волна политической модернизации будет направлена против институтов власти, под удар попадут и структуры государства и универсальные структуры гражданского общества. Анархизм (он же фундаментализм), как выражение радикального протesta в его антиглобалистской фазе представляется наиболее вероятной альтернативой идеологии новой модернизационной модели. Условием развития идей анархизма становится минимализация либеральным утилитаризмом роли государственных структур в общественно-политической и хозяйственной жизни, а основанием идейной радикализации является растущий социальный протест, вызванный последствиями глобального утилитаризма. Рассмотрение антиглобалистской идеологии анархизма как наиболее вероятной антитезы нынешнего идеологического дискурса ставит задачи предупреждения наиболее негативных последствий нового радикализма и выработки эффективных моделей институционального устройства политического режима в практике консервативного дискурса.

Научная значимость результатов данного исследования для политологии состоит в концептуальном исследовании феномена консерватизма в институционально-идеологической целостности

дискурсивных практик; в концептуализации широкого круга накопленных знаний в данной области, в разработке и предложении к научному обсуждению авторского видения проблемы консервативной идентичности в прошлой, современной и будущей идеально-политической конкретике.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты данного исследования могут быть использованы в политическом анализе, определении политической идентичности субъектов политического поля, при анализе политических программ для выявления подлинной связи между политическим действием и его словесной оболочкой, для разработки теоретических средств политической идентификации, понимания специфических особенностей политики консерватизма в данном идеально-политическом контексте. Отдельные положения диссертации могут быть использованы в учебном процессе в преподавании дисциплин политологического круга.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования нашли отражение в докладах автора на научно-практических конференциях, а также в публикациях в сборниках научных трудов в гг., Пензе, Волгограде, Москве.

Публикации. По теме данной работы было опубликовано 4 работы общим объемом 1,1 п.л. Из них 1 работа в издании, рекомендованном ВАК РФ для публикации основных научных результатов соискателей ученой степени. Работа выполнена в рамках п. 12 области исследования «Теории политической модернизации. Конкретно-исторические модели политической модернизации (сравнительный анализ). Особенности политической модернизации современной России» паспорта специальности 23.00.02 «Политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии».

Структура диссертационного исследования.

Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка использованной литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обоснована актуальность темы диссертационной работы, проанализирована степень ее научной разработанности, определены цели и задачи исследования, объект и предмет, обозначены теоретическая и методологическая основы исследования, показана научная новизна, представлены основные положения, выносимые на защиту, а также научная, практическая значимость и апробация работы.

В первой главе под названием «**Консервативное оформление политического радикализма**» обосновывается понимание консерватизма как необходимого элемента радикальной идеологии, функционально способствующей стабилизации политического режима в условиях модернизации.

Соответственно, в первом параграфе первой главы «**Анализ идеологического содержания консерватизма**» автор исследует содержание категории «консерватизм» с учетом имеющихся в науке аналитических подходов. Автор прослеживает несколько традиций понимания консерватизма, связывая их с идеально-политическими реалиями своего времени. Так, одной из длительных традиций является романтическая традиция консерватизма, основанная на неприятии модерна и негативной оценке его последствий для общества в целом и для политики в частности. Приверженцы этой традиции существуют всегда, однако в периоды кризиса модерна их голос звучал более отчетливо (О. Шпенглер, К. Шmitt, К. Хоркхаймер и Т. Адорно, Р. Генон). Консервативная рефлексия является источником другой традиции, которую представляют мыслители, не покрывавшие с современностью, а активно ее творившие (К. Манхейм, С. Хантингтон, Ф. Фукуяма, Р. Кирк).

В отечественном политологическом дискурсе, как оказывается в работе, можно проследить довольно четкую смену парадигм от неприятия к недоверию, затем к доверию и, наконец, к превознесению консервативного

мировоззрения. Все эти этапы сменили друг друга за два десятилетия. В оценке функционального значения консерватизма также прошла эволюция от моратория на консерватизм до дидактического применения и проектирования политических институтов на его символической основе. В итоге, в России сформировались научные школы изучения консерватизма, имеются результаты в его историографии, возникли консервативно идентифицируемые политически субъекты.

Популярность консерватизма стала серьезной помехой в его понимании, так как этим термином стали обозначаться разнорядковые явления. В целях раскрытия сущности феномена консерватизма автор критически проанализировал логические сказуемые консерватизма, заключив, что консерватизм представляет собой дискурсивное выражение структуры, благодаря которой политическая идея заключается в институциональную форму. Трактовка консерватизма, как инструмента политической институционализации радикальных форм идеологии, диктует необходимость анализа консерватизма в конкретной институциональной системе и в диалектической взаимосвязи с радикализмом.

Во втором параграфе первой главы «Становление политической и ценностной идентичностей консерватизма» прослеживается процесс включения консервативного компонента в идеологию правящего класса как обязательного для стабилизации политической системы. Автор исследует взгляды Э. Бёрка, Ж. де Местра – родоначальников консерватизма, обращаясь к идеям немецких романтиков, сравнивая их с идеями отечественных мыслителей. Автор приходит к выводу о том, что генезис романтического консерватизма находит отражение в славянофильстве и получает мощную идейную подпитку в культуростороннем Н. Данилевского и К. Леонтьева.

Непримиримость консервативных и либеральных идей на начальном этапе показывает, по мнению автора, что процесс становления институционально-идеологической целостности политики протекает в борьбе

и единстве противоположностей консерватизма и радикализма. Но вслед за этим обострением противопоставления консерватизма радикализму на заре генезиса, их векторы сближаются через переосмысление единства в отношении к государственной власти (немецкий романтизм); происходит и внутренняя борьба в самом консерватизме (официальная народность, интелигентское народничество) и в радикализме (рационализм, социализм, утилитаризм).

В работе отмечается, что уже в конце XIX века различия российского и западного консерватизмов нивелируются, поскольку происходит сближение позиций исторического русского консерватизма с западноевропейским по линии приверженности действующим институтам власти. В генезисе консерватизма (английского, немецкого) автор усматривает общее для этого явления: сопротивление универсализму и отстаивание ограничности институциональной основы своей политической системы. У отечественных мыслителей, даже при некоторых либеральных отклонениях, неизменно прочным было убеждение в институциональной самобытности русского строя. Однако, прогресс (в лице политического радикализма), против которого выступали первые консерваторы, исторически утвердился в качестве парадигмы общественного развития. Это поставило перед консерваторами новые интеллектуальные задачи. Но и кризис нового времени, в котором политика радикализма ощущала свои ограничения, обещал неизбежные изменения в политическом курсе радикалов.

В третьем параграфе первой главы «Противоречия включения консерватизма в политический контекст» показано, что в противостояние с рыночным радикализмом вступает идеология антирыночного социалистического движения. Идеология политической модернизации первой четверти XX века в модели антирыночного радикализма нашла свое воплощение в Германии в концепции «консервативной революции» и в России в виде установления диктатуры пролетариата и власти партии большевиков.

Элементы консерватизма вообще функционально служат обоснованию (сохранению) ценности конкретного корпуса политических институтов, обеспечивающих воспроизведение политического класса, и в советской идеологии они также возникали. В частности, как конвергенция радикализма и консерватизма в идеологеме «защита завоеваний Октября». Но в этом смысле политику советской власти до 1940 года вряд ли можно каким-то образом характеризовать с точки зрения консерватизма, в то время как идеологическую позицию евразийцев относительно советской системы относят к консервативным.

На сравнительном примере показано, что природа консервативных позиций в политике и в идеологии различна. Евразийцы видели в советской системе преломление общинно-земской традиции народа – своеобразный возврат общества на собственные исторические рельсы, а коммунисты – революционное творчество масс, оформленное партией, то есть принципиально новую институциональную систему власти. Для ее укоренения, конечно, необходима элиминация политического радикализма путем формулировки консервативных идеологических установок. Однако она востребуется только по завершению формирования каркаса политических институтов.

В постреволюционное время в России идеология антирыночного радикализма способствовала приходу к власти партии большевиков, но угроза утраты власти вынудила их смягчить радикализм в форме НЭПа, что было явлением временным. По крайней мере, с началом индустриализации политический радикализм большевиков возрастал вплоть до 1940 года, когда был завершен синтез радикального революционизма с Советским институциональным строем и однопартийной диктатурой. В идеологическом осмыслиении этого опыта евразийцами, поддержавшими советский революционный синтез, очевидно, была попытка примирить большевизм с действительностью, снять его радикализм через создание образа

исторической связи советской системы с русским дореволюционным прошлым.

Во второй главе «Консерватизм как политика в современной модели модернизации» рассматривается роль консерватизма во второй волне политической модернизации, проходящей в условиях синтеза консерватизма с радикализмом уже на почве идей глобального мироустройства.

В первом параграфе второй главы «Идеологический синтез утилитарного радикализма и его институциональное оформление» автор утверждает, что вторая волна политической модернизации по идеологическому содержанию является утилитарным радикализмом в его глобальной версии, возникновение которого связано с политико-экономическим кризисом в западных странах в конце 60-х гг. XX века.

Ответом на кризис стала консолидация элит стран Запада, создание будущей «семерки» ведущих государств и углубление интеграции в международных организациях, что означало перенос центров важных политических решений в наднациональные органы власти. Как указано автором, генезис глобального утилитаризма завершился к 90-м годам ХХ века, чему немало способствовали также дезинтеграционные процессы в Советском Союзе, и его, в конечном счете, выход на этот же путь.

Второй цикл или вторая фаза рыночного радикализма проходит под знаменем утилитаризма с его консервативной институционализацией в глобальном (международном) масштабе. В той или иной системе оценок неизменным будет вывод о том, что идеология рыночного радикализма имела успех. Ее утилитарное содержание получило полную реализацию. Власть преодолела границы национальных государств и институировалась в надгосударственных институтах принятия решений (и принудительных действий по отношению к суверенным государствам в целях осуществления ими определенной политики, способствующей торговле). Практика достижения институционально-идеологической целостности радикализма и

смежного ему консерватизма, была усовершенствована настолько, что затруднила идентификацию экспертами обоих направлений политического процесса.

Во втором параграфе второй главы «Консервативная институционализация политического режима современной России» автор анализирует российский политический процесс с точки зрения синтеза консерватизма и радикального утилитаризма. В процессе исследования автор приходит к выводу о том, что российская власть в целом успешно завершает начатый в конце прошлого века курс рыночного радикализма второй фазы. Свидетельством тому является активность российской политической и экономической систем по интеграции в международные политические, финансовые, экономические институты. Также обнаруживается диспропорция между высокой активностью России в глобальных институтах и низкой активностью во внутренней институционализации глобального рынка.

Автор заключает, что российская политика в основных своих чертах повторяет модель западной политики и поэтому закономерным является отсутствие в современном отечественном консерватизме выраженных национальных черт: это типичный утилитарно-рыночный консерватизм. Следовательно, власть в России становится такой же «либеральной демократией», что и в ведущих зарубежных странах, независимо от предиката, поскольку институционально и идеологически они схожи. Вступление России во все возможные транснациональные организации не только подтверждает, но и углубляет это тождество.

Актуализация властью идеологии консерватизма в нынешних условиях осуществляется в целях политической коммуникации. Как считает автор, язык прагматики становится важнейшим политическим институтом, что подтверждается освоением политической прагматики всеми заметными политическими силами, включая непримиримую оппозицию (КПРФ, в

которой антирыночный радикализм коммунистического толка синтезирован с почвенническим антирыночным радикализмом).

Анализируя становление институционально-идеологической целостности российской политической системы на данном этапе, автор утверждает, что поскольку в основе передовой идеологии лежит pragmatism, то институциональный дизайн политики не будет следовать какому-либо принципу, и неизбежно появление гибридной модели. Поэтому содержание идеологии, которая в утилитаризме утрачивает дидактический компонент и редуцируется до улавливания «современных веяний», будет наполняться и либерализмом для части его приверженцев, и православными ценностями для верующих, и социализмом для социалистически настроенных, и этатизмом для приверженцев идеи сильного государства, и т.д.

В третьем параграфе второй главы «Альтернативные идеологии для политической модернизации» автор анализирует радикальные политические концепты с целью выявления альтернативной радикальной идеи, объективно вызревающей в условиях кризиса утилитарного глобализма. Логика исследования моделей политической модернизации приводит к выводу о том, что исторически в волнах европейской модернизации можно проследить последовательную смену радикальных идеологических доктрин, разработанных еще школами политической мысли эпохи просвещения. Так, первая волна модернизации была идеологически представлена в либерально-рыночном радикализме. Вторая волна модернизации имела антирыночную идеологию, то есть была антитезисом первой. Третья, в настоящее время еще не исчерпавшая себя, волна модернизации имеет идеологию глобально-рыночного радикализма. Таким образом, из нереализовавшихся за истекшие два с половиной столетия радикальных политических концептов эпохи Просвещения остался только анархизм (антиэтатизм). Это обстоятельство не является достаточным основанием рассматривать его как следующую за нынешней моделью политической модернизации. Среди других моделей антитезы глобальному

рынку в научной литературе рассматриваются эстатистские, связывающие будущее российской политической системы с государственным устройством, в основании которого будет консервативная идея, и антиэстатистские.

Эстатистская концепция (в виде монархистских, социалистических, националистических, традиционалистских проектов, вкупе с православием и почвенничеством) представляет собой некие варианты «возвращения» государства, которое в целях недопущения сделанных ошибок будет более изощренным в осуществлении власти, ориентируясь на лучшие образцы. Интегральная идея этого направления - «сотрудничество всех здоровых сил», или просто всех, кто еще верит в государственность. К современному этапу консерватизма это не имеет отношения, так как современный консерватизм выражено антиэстатичен, его функция - институционализация глобального управления, а, следовательно, государство со своим суверенитетом стоит у него на пути.

Антиэстатисты (радикал-либералы, народники и фундаменталисты) находятся на острие актуальности современного процесса политической модернизации, несмотря на их маргинальность. Однако, не все институционально-идеологические модели, которые они выдвигают, внутренне целостны. Так, либералы с их идеалом гражданского общества уже устарели. Антиэстатисты-народники, как и полтора века назад, идеализируют народ, устранив дидактику из своей идеологии.

Анархизм, как выражение радикального антирыночного протesta в его антиглобалистской фазе, наиболее вероятная альтернатива политической идеологии, противополагающей себя нынешней утилитарной идеологеме, и вместе с тем непосредственно связанная с последствиями утилитарного глобализма. Рассмотрение антиглобалистской идеологии анархизма как наиболее вероятной антитезы нынешнего идеологического дискурса ставит задачи предупреждения наиболее негативных последствий нового радикализма и выработки эффективных моделей институционального устройства политического режима в практике консервативного дискурса.

В **заключении** подводятся итоги исследования, излагаются результаты проведенной работы в обобщенном виде и формулируются основные выводы и позиция автора, обозначаются перспективы дальнейшей научной разработки данной тематики.

Основные положения работы отражены автором в следующих научных публикациях:

в изданиях, рекомендуемых Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата наук:

1. *Северный, В.Г.* Опережающий консерватизм российской политики. [Текст] / В.Г. Северный // Право и политика. – 2009. – № 2. – 0,5 п. л.

Статьи в других изданиях:

2. *Северный, В.Г.* Консервативная идентичность и ее социально-экономическая основа [Текст] / В.Г. Северный // VI Международная научно-практическая конференция «Опыт и проблемы социально-экономических преобразований в условиях трансформации общества: регион, город, предприятие». Сб. статей. – Пенза: ПГСХА, 2008. – 0,2 п. л.

3. *Северный, В.Г.* Консерватизм как явление модерна [Текст] / А.И. Бардаков, В.Г. Северный // Модернизация экономики и новая парадигма развития российского предпринимательства: Сб. научных статей / ВФ РГТЭУ; Под общ. ред. А.Н. Бурова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – 0,2/0,1 п. л.

4. *Северный, В.Г.* Консервативный проект в отсутствии институциональной формы [Текст] / В.Г. Северный // Модернизация экономики и новая парадигма развития российского предпринимательства: Сб. научных статей / ВФ РГТЭУ; Под общ. ред. А.Н. Бурова. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2008. – 0,2 п. л.

Северный Вадим Геннадьевич

**Консерватизм в системе институционального оформления политической
модернизации**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата политических наук**

Подписано к печати 14.04.2009 г. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,1.
Тираж 120 экз. Заказ 30.

**Типография Волгоградского филиала ГОУ ВПО «Российский
государственный торгово-экономический университет»
400131, г. Волгоград, ул. Волгодонская, 11**